

Публикации

ФАХРЕДДИН И МАГОМЕТАНСКОЕ ДУХОВНОЕ СОБРАНИЕ

УДК 930.85

РОЛЬ РИЗАЭДДИНА ФАХРЕДДИНА В РЕФОРМЕ МУСУЛЬМАНСКОГО СЕМЕЙНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Р. Гарипова

*Назарбаев Университет
Нур-Султан, Казахстан
rozaliya.garipova@nu.edu.kz*

В конце XIX – начале XX вв. мусульманские общины в разных частях мира столкнулись со схожей проблемой – неспособностью женщин получить развод после исчезновения их мужей, которые могли пропасть без вести, исчезнуть или не вернуться по разным причинам. Эти женщины, лишённые средств к существованию (*нафака*), не могли обеспечивать себя материально, а также вновь выйти замуж. В этой статье рассматриваются ответы российских мусульманских ученых (*улемы*) на эту проблему, собранные видным исламским ученым Ризаэддином Фахреддином в сборнике «*Мутала 'а*». Проблема развода в волго-уральском мусульманском обществе была тесно связана с вопросом религиозного авторитета. Поэтому инициатива Фахреддина была направлена не только на решение проблем женщин, но и на решение структурных проблем, появившихся в XIX веке и связанных с религиозным авторитетом и применением шариата. Я утверждаю, что сборник юридических мнений «*Мутала 'а*» был одновременно попыткой найти окончательное решение проблемы развода женщин и инструментом укрепления правового авторитета улемов.

Ключевые слова: развод с пропавшими мужьями, фетва, мусульмане Волго-Уральского региона, Ризаэддин Фахреддин, религиозно-правовой авторитет

Для цитирования: Гарипова Р. Роль Ризаэддина Фахреддина в реформе мусульманского семейного права в Российской империи // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 2. С. 206–224. <https://doi.org/10.22378/he.2020-5-2.206-224>

Фахреддин, респонденты и источник¹. Ризаэддин Фахреддин наиболее известен как редактор популярного реформистского журнала «Шура» и как автор многотомного биографического словаря религиозных деятелей региона «Асар». Также он принимал участие в мусульманских конгрессах первой четверти XX века и занимал должность муфтия Центрального духовного управления мусульман в 1918–1936 гг. Наряду с этим, малоизвестными остаются его инициативы по решению супружеских проблем мусульманских женщин Волго-Уральского региона. Несмотря на существование нескольких исследований его литературных работ, посвященных женскому вопросу, в целом его роль как защитника женских прав до настоящего времени остается слабо изученной темой². По-прежнему недостаточно исследована его деятельность на должности *кади* Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) с начала 1891 по 1905 гг.³ В связи с этим интерес представляют не только его взгляды на «женский вопрос» в литературных трудах, но и его деятельность, направленная на улучшение положения женщин. Эта деятельность нашла свое отражение в работе Фахреддина «Мутала'а» (Фахреддин 1897).

Будучи *кадием* ОМДС, Фахреддин имел возможность ознакомиться с многочисленными прошениями женщин, полученными из разных мест Поволжья, Урала и Западной Сибири, находящимися под юрисдикцией этого учреждения⁴. Как *кади* он отвечал за рассмотрение и разрешение дел, связанных с супружескими и наследственными спорами. На регулярных заседаниях ОМДС, зафиксированных в журналах присутствия Оренбургского магометанского духовного собрания, *кадии* рассматривали жалобы по семейным и наследственным делам и в зависимости от характера дела решали его дальнейшую судьбу. По каждому делу в журнал присутствия вносилась запись с кратким описанием этого дела, а также информация об ответственном, отвечающем за его разбор и итоговое решение. В 1890-е годы со всей Российской империи от мусульман приходили многочисленные письма о решении семейных и наследственных споров. Особенно много писем поступало от женщин, отправлявших прошения о разводе, о разрешении на повторный выход замуж или о разрешении на выход замуж по собственному желанию, также присылались жалобы на жес-

¹ Я выражаю благодарность Институту Кеннана (Вашингтон, Ди-Си) за предоставление первой учрежденной в 2016 году стипендии имени Джеймса Биллингтона, которая дала мне возможность работать над этим важным источником.

² Фахреддин написал ряд важных работ о женщинах, среди которых «Сәлимә, яки гыйффәт», «Әсма», «Тәрбияле ана», «Гаилә», «Мәшһүр Хатыннар».

³ Он служил в качестве *кадия* с февраля 1891 по 1905 гг. В 1905–1906 гг. он начинает свою журналистскую карьеру с основания «Шура». Подробнее см. (Ризаэддин Фахреддин 1999).

⁴ По обращению мусульманских женщин в ОМДС по вопросам, касающимся развода со ссыльными или пропавшими без вести мужьями, и как работали российские имперские законы, затрагиваемые в этих случаях, см. (Garipova 2020).

токое обращение со стороны мужей. Среди прошений о разводе особое место занимали дела по сосланным (*наф'и*) или пропавшим (*га'иб уланларның*) мужьям. В последние десятилетия XIX в. число ходатайств женщин о разводе и разрешении на повторный брак в сравнении с предыдущими годами резко возросло (*көннән-көн артып вә күбәеп*), что и побудило Фахреддина подготовить сборник «*Мутала 'а*» (Фахреддин 1897: 25).

3 сентября 1896 г. Фахреддин разослал имамам и *ахундам*, *улемам* под юрисдикцией ОМДС, письма, в которых спрашивал их мнения о своем предложении. Он предлагал облегчить положение женщин, обращавшихся в ОМДС с просьбой расторгнуть (*фасх*) их браки в связи с пропажей их мужей. Ответное письмо Фахреддин просил прислать до января 1897 г.

Собрав ответы *улемов* из разных частей Российской империи, Фахреддин составил сборник «*Мөталәга (Мутала 'а): Идарә-и Исламия Брынбургья үзәрәнә галимләремез тарафындан никах хосусында язылмыш әфкярләрнең холясасы жәмегь иделмеш рисаләдер*» («Размышление: сборник мнений *улемов* по вопросу о браке, направленных в Оренбургское духовное собрание»), включивший в себя 63 правовых заключения (Фахреддин 1897). Первая часть книги посвящена обсуждению важности данной проблемы и разъяснению проекта, предложенного Фахреддином. Далее рассматриваются мнения *улемов* о его целесообразности.

При анализе *Мутала 'а* меня интересовали ответы на следующие вопросы: чем важен этот сборник? Что он говорит о Фахреддине как ученом-правоведе и как члене ОМДС? Какая проблема с правовым авторитетом *улемов* Волго-Уральского региона конца XIX – начала XX вв. побудила Фахреддина инициировать дискуссию на всероссийском уровне и обратиться к имамам и *ахундам* из разных городов и провинций с просьбой высказаться и предложить варианты решения? Я предполагаю, что Фахреддин преследовал две цели. Во-первых, очевидно, что он не просто хотел найти решение данного вопроса, он использовал эту коллективную фетву как инструмент для реформы мусульманского семейного права. Во-вторых, через решение этого вопроса он затрагивал проблемы, связанные с религиозным авторитетом и функционированием шариата в Российской империи.

Фахреддин включил в *Мутала 'а* правовые мнения 63 исламских ученых из разных уголков Российской империи. Из них двадцать один человек подписался как *ахунд* и *мударрис*, двадцать три – как *ахунд*, один – как армейский *ахунд* (*'аскари ахунд*), один – как административный *ахунд* (*мулкия ахунды*), четырнадцать – как имам и *мударрис* и три – как имам. Таким образом, из 63 респондентов сорок шесть имели звание *ахунда*, а семнадцать – имама. Тридцать пять респондентов были учителями медресе (*мударрисы*). Фахреддин включил в сборник мнения ученых из следующих российских городов и деревень: Казани, Уфы, Оренбурга, Стерлитамака, Петропавловска, Верхнеуральска, Семипалатинска, Томска, Петербурга, Москвы, Пензы, Орска, Троицка, Челябинска, Самары, Симбирска, Буинска, Ханской ставки, Мензелинска, Мамадыша, Бугульмы, Новоузенска, Ставрополя и некоторых

других. Часть ответов были подписаны именами нескольких ученых, что указывало на коллективное обсуждение этого вопроса улемами, в ходе которого они выработали общее мнение. Также в *Мутала 'а* Фахреддин включил ответы известных *ахундов*, среди которых были московский *ахунд* Хайр ал-Дин ибн Аги, бугульминский *ахунд* Гилман бин Ибрахим ал-Карими, а также мнение имама и *мударриса* села Тунтар – Ишмухаммада бин Динмухаммада. Двадцать из этих 63 ученых упоминаются в *Асаре* Фахреддина, крупнейшем сборнике биографий известных религиозных деятелей региона. После публикации *Мутала 'а* волго-уральские улемы не прекратили слать Фахреддину свои мнения по этому вопросу; новые письма были опубликованы во втором сборнике в 1901 г.⁵

Признание проблемы. Чрезвычайное беспокойство Фахреддина вызвали брошенные жены, оставленные без средств к существованию. В своей работе он подчеркивал, что члены ОМДС были обеспокоены количеством петиций женщин, оставшихся без попечения мужей. По словам Фахреддина, такие несчастные браки имели серьезные социальные последствия:

«Российская империя развивалась, дальние путешествия становились проще, нередко это приводило к росту числа мусульман, покидавших свои дома в поисках лучшего дохода (*кэсеб вэ эш*). Других же ссылали в Сибирь за совершенные ими преступления. Большинство из этих мужчин не могли обеспечить должное содержание (*нафака*) своим женам. Более того, некоторые из них даже не сообщали женам о своем новом местонахождении. Если человек умирал, жена могла даже не получить об этом известия. Часть таких жен с малолетними детьми на руках были вынуждены ходить из деревни в деревню, прося милостыню. Эти женщины ходатайствовали о расторжении своих браков (*фасх*)» (Фахреддин 1897: 25).

⁵ Худжат Махмудов. Хөжжэт эл-Хәким б. Дәүт эл-Мәхмүди. Интикад ал-аквал би ал-тахкик фи таджвиз ал-никах би ал-та'лик. Казан, Типография Императорского Университета, 1901. Спасибо анонимному рецензенту за информацию об опубликованном варианте рукописи *Интикад ал-аквал би ал-тахкик фи таджвиз ал-никах би ал-та'лик*. Подробнее см. (ОРРК К(П)ФУ). Рукопись данного произведения состоит из 214 фолио под названием *Интикад ал-аквал би ал-тахкик фи таджвиз ал-никах би ал-та'лик* [«Критическое рассмотрение утверждений, касающихся исполнения брака при определенных условиях»]; я рассмотрю ее в отдельной статье. Данный сборник включает в себя переписку Фахреддина с известным сибирским имамом и мударрисом Худжжат ал-Хакимом бин Дауд ал-Махмуд улы по данному вопросу, еще несколько ответов от разных имамов, ответы двух муфтиев (муфтия Таврического духовного собрания и муфтия Закавказья), а также длинный список исламских источников на эту тему. В этой рукописи Фахреддин выражает благодарность Худжжату ал-Хакиму за проявленный интерес к чтению ответов улемов, полученных Фахреддином после публикации «*Мутала 'а*», и к подготовке этих ответов к публикации.

Несмотря на то, что некоторые прошения были необоснованны, большинство из них правдиво описывали жалкое положение (*мэзлум вэ кызганыч халдэ*) женщин, оказавшихся без мужей в «брачной» ловушке, – уточняет Фахреддин. Отсутствие возможности у женщины развестись и повторно выйти замуж было настоящим бедствием для мусульманской общины. Столкнувшись с резким ростом числа подобных прошений, ОМДС приняло решение «срочно принять во внимание и решить этот вопрос»⁶.

Несколько имамов из числа опрошенных признали актуальность этой проблемы. Например, *ахунд* и *мударрис* Дийа' ал-Дин бин ал-Мавлави Джалал ал-Дин из деревни Ша'ай Мензелинского уезда призвал пересмотреть (*иджстихад*) исламское право, чтобы помочь женщинам, чьи мужья не предоставляют содержание:

«Не только пропавшие мужья, но даже и мужчины, живущие со своими семьями, не обеспечивают их содержанием и проводят свои жизни в разврате. Чтобы спасти себя и своих детей, женщины вынуждены отказываться от своего имущества и состояния, чтобы откупиться от мужей, прибегающих к домашнему насилию. Эти женщины просят о разрешении на *хул*⁷, так как они не имеют возможности получить *талак*⁸; таким образом, они отказываются от прав, которые предоставляются им шариатом (*шари'а*). Такое жестокое обращение с женщинами никоим образом не соответствует духу шариата (*шари'а*). Хотя в большинстве случаев мужчины виновны в неисполнении супружеских обязанностей (*нушуз*), в метрических книгах крайне редки записи *талака*, большинство составляют записи *хул*'. Я боюсь, что мы все будем нести ответственность за такие решения, которые противоречат шариату и человечности. Поэтому имамам необходимо провести переосмысление (*иджстихад*) законов шариата, чтобы защитить права женщин» (Фахреддин 1897: 29–30).

Муса бин Фатхаллах, служивший имамом и *мударрисом* в деревне Ахунд, неподалеку от Вирхурала (Верхнеуральск), также указывает на ущемленное положение женщин и их незащищенность в браке по текущему толкованию исламского права. В течение двадцати трех лет своей службы он своими глазами видел насилие, которому подвергались женщины. У некоторых из них пропадали мужья, и, не имея возможности прокормить семью, женщинам приходилось жить с другими мужчинами

⁶ Там же.

⁷ Развод, инициированный женой по взаимному согласию с мужем; буквально означает «выкуп», другими словами, развод в обмен на денежную компенсацию, которую жена должна выплатить мужу.

⁸ Расторжение брака, совершаемый мужем путем троекратного повторения слова «талак», что представляет собой формальный отказ от брака со своей женой (безвозвратный развод).

или даже заниматься проституцией. Некоторые из них имели родственников, но те зачастую очень неохотно соглашались приютить и обеспечивать их. Жизнь женщин, не имеющих возможности повторно выйти замуж, была несчастной – «даже некоторые животные жили лучше, чем эти женщины». Более того, продолжал он, «когда мужчина брал вторую жену, обычно он начинал плохо обращаться с первой. Муж мог отослать ее к родителям и больше никогда не принимать ее в качестве супруги. Если она просила о пропитании или разводе, он отказывал. Таким женщинам ничего не оставалось, кроме как влечить жалкое существование в горе и муках. Даже когда жены были обходительны со своими мужьями, некоторым из них все равно приходилось терпеть жестокое обращение. Единственным способом женщин избавиться от такого положения была возможность потребовать *хул'а*, то есть пожертвовать своим имуществом. Таким образом, хотя обычно именно мужчины не выполняли свои супружеские обязанности (*нушуз*), права женщин были незащищены». Мусаа ибн Фатхаллах утверждал, что имамы, не препятствовавшие совершению мужчинами таких жестоких поступков, сами становились соучастниками злодеяний (Фахреддин 1897: 32).

Ахунд и мударрис Бурхан ал-Дин Наср ал-Дин улы из деревни Дийа'баш, расположенной неподалеку от Синекли (Ульяновск), был свидетелем того, как мужчины, приехавшие работать на фабрику в его деревню, брали местных женщин в жены, а когда работа заканчивалась, бросали их, не заботясь о содержании (*нафака*) своих супругов. Бурхан ал-Дин заявил: «В нашей стране замужние женщины, не получающие пропитание от своих мужей и у которых есть дети или другие иждивенцы, находятся в неопределенном состоянии (*калму'аллика*). Многие женщины остаются беспомощными (*'аджиз*) и находятся в разврате, так как повторный брак им недоступен». Он отметил, что вместе с другими улемами знал об этой проблеме и они рассматривали возможность предоставления женщинам права на условный развод (*амр би-л-йад*) во время церемонии бракосочетания. Однако эта идея, не получив одобрения ОМДС, была отклонена (Фахреддин 1897: 26–28).

Ахунд Мухаммад Шафи' Мухаммад Шариф улы из деревни Урки-Ирмат Стерлитамакского уезда в своем ответе также затронул многочисленные болезненные темы:

«В наше время улемы не в состоянии обеспечить достаточно надежные решения для новых религиозных (шариатских) вопросов. Люди не обращают внимания на мнения улемов, и широко распространяются невежество и моральное разложение. Они не только не выполняют обязательных религиозных требований (*фард* и *ваджиб*), но даже не знают о существовании этих обязательств. В связи с этим в нашей стране часто нарушаются супружеские права (*хукук завджиййа*). Мужчины ожидают от своих жен служения, не являющегося обязательным согласно исламскому закону и обычаю (*када' ва*

дийанат лазым булмаган хезмэтләрне), и считают принуждение женщин выполнять такое служение «хорошим обычаем» (*'адат хасана*). Более того, многие мужчины бесстыдно притесняют и бьют своих жен, что противоречит написанному в Коране. Жениться на женщине, а затем развестись с ней, забрав все ее имущество, стало для таких мужчин своего рода доходом (*бер сәүдә хөкүмәнә әверелде*). Многие мужчины берут себе вторую и даже третью жену, хотя знают, что не выполнили своих обязательств по отношению даже к первой. Нет никаких сомнений в том, что такие вещи запрещены (*харам*) и не соответствуют шариату. Молодые женщины, чьи мужья исчезли, не оставив им средств к существованию, вынуждены бродить по улицам и базарам, а также в сомнительных местах (*мавади тохмат*). Это, в свою очередь, ведет к бедствиям и хаосу (*фитна ва фасад*). Поскольку они не могут получить развод от своих мужей и у них нет другого выбора, они начинают жить с кем-то в блуде. Я сам направил несколько таких дел на рассмотрение Оренбургского Собрания» (Фәхреддин 1897: 55–57).

Фахреддин и его решение: правовое заимствование и маслаха. В своем проекте Фахреддин предложил два пути решения этой проблемы. Одно из решений состояло в том, чтобы заключать браки с условиями брачного контракта, который включал бы в себя следующие пункты:

1. Муж не должен находиться в другой провинции более года без обеспечения финансами (*нафака*) своей жены.
2. Если муж приговорен к ссылке (*нафи ителсә*), он должен развестись со своей женой до отъезда.
3. Муж не должен бить (*кыйнамас*) свою жену, употреблять алкоголь или оставлять ее без финансовой поддержки.
4. Муж не может взять вторую жену, если он не в состоянии финансово обеспечивать первую.

Если одно из этих условий нарушается – женщина может получить развод. Фахреддин закончил свое вступление двумя вопросами к волгоуральским улемам. Во-первых, уместно ли (*мувафик*) заключать браки с супругами по договору, наделявшему женщину правом объявить о безвозвратном разводе (*талак ба'ин*) в присутствии местного приходского имама, если одно из вышеперечисленных условий было нарушено? Во-вторых, законно ли по шариату (*шар'и*) требовать от имамов заключать браки с оговоренными условиями? Также Фахреддин спросил имамов и *ахундов* об альтернативных методах, которые могли бы облегчить развод жен со ссыльными и пропавшими мужьями.

Подробнее брачный договор будет рассмотрен в другой статье; здесь же я планирую рассмотреть вопрос заимствования мнений, применяемых в других *мазхабах* (шафиитском и маликитском), где предоставляются более широкие права на развод. В частности, развод допускается при дли-

тельном оставлении жены, при отсутствии обеспечения ей материальной поддержки или в случае насилия (Ali 2006: 27)⁹. Волго-Уральский регион и Западная Сибирь были регионами, где исторически преобладал ханафитский *мазхаб*. Неизвестно, как решался данный вопрос в регионе, но в целом у ханафитов сложилось отрицательное отношение к практике разводов, что отличало эту исламскую правовую школу от других¹⁰. Отсутствие мужа не рассматривалось как основание для развода; считалось, что жена пропавшего должна ждать его возвращения. Фахреддин объяснял неприятие разводов ханафитами тем, что «аннулирование таких браков являлось бы вынесением решения в ущерб (*дарар*) пропавшему лицу; соответственно, причина для аннулирования таких браков, по ханафитскому *мазхабу*, оказывалась сомнительной (*муджиб тараддуд ва исхтибах*)» (Фахреддин 1897: 23). Поэтому в качестве решения он предложил использовать юридические заключения других *мазхабов*, подчеркнув, что ОМДС, в принципе, не против такого подхода:

«Идара⁷ Исламийа (Оренбургское мусульманское духовное собрание) не обязывала решать этот вопрос в соответствии с ханафитским *мазхабом*. Поскольку имамы [в России] являются не кадиями ханафитского *мазхаба*, а просто исламскими судьями (*шэригаты казыйлары*), они могут принимать решения, основанные на любом *мазхабе*» (Фахреддин 1897: 23).

Следуя этому утверждению, Фахреддин обосновал свое решение принципом *маслаха*. *Маслаха*, как наглядно продемонстрировал Фелицитас Опвис, использовалась юристами на протяжении всей истории для «подстраивания» под социальные изменения. Часто переводимый как «общественный интерес», этот термин буквально означает «причина или источник чего-то хорошего или полезного», также возможен перевод «социальное благополучие» (Orwis 2007: 62). В конце XIX и начале XX вв. реформаторски настроенные юристы, такие как Джамам ал-Дин ал-Касими и Рашид Рида, использовали *маслаха* для обоснования желаемых реформ¹¹.

⁹ Фахреддин также предложил ввести практику заключения брачного договора, что будет описано в отдельной статье.

¹⁰ Существует пример, когда *ахунд* Уруви разрешил развод на основании непредоставления средств к существованию.

¹¹ Как объясняет Опвис, в то время как *маслаха* исторически имела различные модели и значения, ал-Касими и Рида использовали модель *маслаха*, предложенную ханбалитским правоведом XIV века Наджм ад-Дином ал-Туфи (ум. 1316), который понимал *маслаха* как «цель закона и независимое мерило получаемых решений». Не включив *маслаха* в формальные процедуры, он стал почти исключительным рационалистом. «Модель ал-Туфи предоставила юристам легко применимые средства для расширения и адаптации закона, используя *маслаха* в качестве юридического указателя в своем собственном праве». «Придание юридической определенности результатам содержательных рассуждений позволило му-

Подобно ал-Касими и Риде, Фахреддин обращался к принципу *маслаха* для изменения определенных аспектов семейного права¹².

Более того, Фахреддин стремился провести правовые изменения на широком общеимперском уровне, а не только в одной *махалле*. Он хотел, чтобы другие имамы и *ахунды* переняли метод заимствования в качестве обыденной практики, и поэтому утверждал, что заимствование следует рассматривать как *маслаха*, то есть общественную пользу для общего блага. Помощь женщинам, оказавшимся в бедственном положении, облегчение их тягот, предоставление возможности на развод и повторное замужество – все это *маслаха*. Однако, по его мнению, такое заимствование (*интикал*) допустимо только тогда, когда этого требует ситуация, когда в этом есть необходимость (*дарура*), а не подряд во всех случаях. Заимствование не должно осуществляться с легкостью, оно не запрещено только в случае, если оно не умаляет ценности шариата. По мнению Фахреддина, когда заимствование используется для поиска решения проблемы, когда *иджтихад* совершается с этой целью, тогда метод заимствования полезен и приравнивается к *маслаха*. Таким образом, сам процесс заимствования был общественной пользой (*маслаха*). По мнению Фахреддина, заимствование подходов из другой правовой школы для получения развода «облегчит жизнь женщин, облегчит их страдания и решит более масштабную проблему общества» (Orwis 2007).

Около пятнадцати ученых из числа опрошенных высказались за допустимость заимствования или за применение правовых мнений других *мазхабов*. Из 63 ученых лишь несколько не особенно благосклонно отнеслись к практике заимствования из других *мазхабов*. Так, Мирзаа Захид бин 'Абд ал-Кадир из деревни Сафакул, расположенной неподалеку от Челябинска, утверждал, что «поскольку необеспечение жены не является причиной развода в нашем *мазхабе*, мы не можем считать это уместным и не знаем других способов развода; эти меры [развод и брак по контракту] станут началом пути по развращению женщин» (Фахреддин 1897: 43). По аналогичным причинам имам и *мударрис* Мухаммад бин Мухаммад Али из Мамадышского уезда считал, что заимствование у другого *мазхаба* невозможно и даже запрещено (Фахреддин 1897: 34).

сульманским юристам обосновать *маслаха* в качестве критерия для вывода решений без процедуры юридической аналогии. *Маслаха* стала пониматься как независимый стандарт, выведенный из богооткровенного закона и познаваемый человеческим интеллектом на основе конкретных объективных критериев. В этой интерпретации концепция *маслаха* включает в себя как мутазилитскую, так и ашаритскую позиции о том, как достичь знания морали».

¹² Фахреддин знал о работах и мнениях Рашида Риды, состоял с ним в частой переписке и публиковал свой собственный журнал «Шура» по примеру «*ал-Манара*». Он также написал биографию Рашида Риды. Подробнее см. (Dudoignon 2006); (Sadeh 2020).

Большинство респондентов, поддержавших допустимость заимствования из других *мазхабов*, положительно отнеслись к заимствованию в решении вопроса об облегчении получения женщинами развода. Вторая инициативе Фахреддина, они предложили разводиться нуждающимся женщинам на основе предписаний шафиитского, ханбалитского или маликского *мазхабов*. Например, ‘Абидуллах бин ‘Абд ал-Хаким из деревни Мидяк Челябинского уезда предложил назначать представителей для ссыльных мужей, которые брали бы на себя ответственность за обеспечение *нафака*. При отсутствии такой возможности женщинам будет трудно жить без мужей, поэтому имамы не должны препятствовать разводу. В таких случаях «кадии-шафииты и кадии-ханбалиты могут давать развод женам ссыльных. Если таких *кади* нет, ханафиты могут судить по постановлениям другого *мазхаба*. В действительности существует фетва, которая позволяет следовать маликитскому *мазхабу* в случае пропажи мужей» (Фахреддин 1897: 47–48). Вслед за ним, другие ученые подчеркивали, что правильно аннулировать брак (*тафрик*), используя мнения другого *мазхаба* (*накл мазхаб*), и что во времена, когда это необходимо, заимствование из другого *мазхаба* приемлемо (Фахреддин 1897: 44–47, 50–51).

Хотя большинство респондентов согласилось следовать другому *мазхабу* в решении рассматриваемого вопроса, возникли разногласия о точной процедуре заимствования мнений у других *мазхабов*. Многие опасались, что начнется злоупотребление этим принципом. Некоторые предложили назначать шафиитского представителя (*на’иб*). Мухаммадджан бин Кадир Мухаммад из деревни Нуркай Мензелинского уезда предложил составить фетву, основанную на мнении имама Малика об отсутствующих мужчинах и преступлениях, которые находились в рассмотрении. Что касается случаев необеспечения жены средствами, то было бы уместно и полезно назначать представителя шафиитов в помощь к ханафитскому *кади* для расторжения брака (*фасх*) (Фахреддин 1897: 36–37). Другие улемы с разной степенью оговорок также говорили о назначении шафиитского *на’иба* (Фахреддин 1897: 37–38, 60). Только один имам, Джамал ал-Дин Сайф ал-Дин, счел ненужной эту меру, потому что, по его утверждению, каждый имам мог бы просто непосредственно заимствовать постановление у другого *мазхаба* (Фахреддин 1897: 50–51).

Вопрос о назначении шафиитского *на’иба* вызвал наиболее жаркие споры, коснувшись более крупной проблемы, которая обсуждалась в регионе в течение уже нескольких десятилетий – вопрос о религиозном авторитете. Другими словами, возможность развода по шафиитским постановлениям была глубоко связана с трансформацией религиозного авторитета, которую улемы переживали в Российской империи в XIX в.

На’иб, ОМДС и проблема религиозного авторитета. В своем письме к улемам Фахреддин рассматривал вероятность назначения представителя из шафиитов при исламских судах ОМДС в системе Российской Империи. Больше всего его беспокоил вопрос о том, сможет ли ОМДС

институционализировать эту должность и согласятся ли имамы разрешать развод женщинам под таким «принуждением». По его мнению, «даже если Садр ал-Шари‘а Хазратларе¹³ говорит о допустимости назначения представителя шафиитов (*на‘уба*) в случае необеспечения женщины и вынесения решения в пользу расторжения брака (*фиркат*), то для ОМДС ввести такое правило было бы немыслимым (*ижра‘ вэ дустур ал-амал айламак Идарэ-и исламия өчен мутасавир түгелдер*)» (Фэхреддин 1897: 23). Пытаясь прояснить это, Фэхреддин утверждал:

«Пока государственные законы издаются так, как это делается сейчас, Оренбургское собрание не может назначить представителя шафиитов по причине отсутствия в государственных законах о мусульманах положения о такой религиозной позиции, как *на‘уб*. Даже если бы такое положение существовало, им мог бы стать только кто-то из числа имамов махалли. Однако махаллинские имамы действуют в своих махаллях не как представители (*на‘уб*), они обладают независимой юридической властью (*мөстэкыйльлардер*). Назначение имамов не входит в компетенцию ОМДС – имамы избираются общиной махалли и утверждаются губернскими властями. Если община махалли изберет шафиитского имама и потребует от властей утвердить его, то это, возможно, поможет решению таких проблем. Это предлагал Садр ал-Шари‘а. Однако мы считаем, что назначение тысяч шафиитских имамов невозможно. Более того, даже если Садр ал-Шари‘а, обосновал свое объяснение правилом, что “у простых людей нет *мазхаба*; как бы фетву ни произносили – это и будет их *мазхаб*”, мало кто принял бы ее» (Фэхреддин 1897: 23–24).

В этом разъяснении он поднял много противоречивых вопросов, возникших в результате трансформации религиозной власти и функционирования шариата в регионе. Существовали государственные указы, которые определяли различные аспекты мусульманской жизни и были реальностью, с которой необходимо было мириться. Если мусульмане хотели узаконить такую должность *на‘уба*, то нужен был государственный указ. Кроме того, Фэхреддин затронул проблемный вопрос о махаллинских имамах и *ахундах* как независимых шариатских экспертах. Поскольку ОМДС уже осуществляло контроль над улемами, вопрос состоял в том,

¹³ Садр ал-Шари‘а Хазратларе – известный правовед, автор руководства по фикху, который был одним из самых популярных в Волго-Уральском регионе в XIX веке. Шарх Викайя – это комментарий к ‘Викайат ал-Ривайа фи Маса‘ил ал-Хидайа’ (написанный его дедом Махмудом ибн Садр ал-Шари‘а (ум. 1346)), который, в свою очередь, был комментарием к Хидайе ал-Маргинани. ‘Убайдаллах ал-Махбуи был выдающимся ученым в области естественных наук, религии и права. Он умер в Бухаре. В книге описываются ежедневные практики мусульманина в соответствии с ханафитским *мазхабом*.

кто из махаллинских имамов может занимать подобную должность. Он также подчеркивал, что не существовало никакой возможности найти и назначить множество шафиитских имамов, поэтому этот вопрос должен решаться именно через ОМДС. Неясно также, каким образом ОМДС могло добиться юридического признания такой позиции как *на'иб* на государственном уровне. Наконец, даже если мусульманам удастся создать такую должность, согласятся ли махаллинские имамы пользоваться этой возможностью, чтобы давать развод женщинам?

Один из вопросов, беспокоивших *ахундов* и имамов, состоял в том, где найти человека, способного действовать в качестве шафиитского *на'иба* в ханафитском регионе. Другими словами, кто будет шафиитским *на'ибом* и как получить разрешение от государства на такое назначение? Этот вопрос наряду с другими поднял Ахмад Вали бин Тухфатуллах из Петропавловска, представлявший улемов своего региона.

«... назначение шафиитского или ханбалитского *кади* зависит от того, сможем ли мы найти таких людей и получит ли человек, который может их назначить, разрешение на это. Однако в нашем регионе таких людей мало, и непонятно, кто может их назначать. Если Махкама-и Исламия позволит принимать решения на основе других *мазхабов* и если она увеличит правомочность улемов принимать эти решения [по этим вопросам], это уменьшит угнетение и жестокость» (Фахреддин 1897: 38–39).

Ахмад Вали бин Тухфатуллах недвусмысленно подчеркивал наличие структурных ограничений. Найти такого ученого было недостаточно, и даже в случае обнаружения требовалось его официальное назначение. Его слова также предполагали, что этот вопрос в равной степени зависел бы от компетенции ОМДС, его способности выносить решения на основе других *мазхабов*, а также действий, которые бы обязывали улемов принимать вынесенное решение. Вопрос о независимом юридическом авторитете нашел большой резонанс в других ответах, собранных в *Мутала'а*. Реакция улемов была неопределенной. С одной стороны, некоторые из них полагали, что им необходимо иметь больше свободы в решении семейных проблем. С другой стороны, они признавали, что ОМДС должно осуществлять некоторый контроль и руководить, когда это необходимо.

Некоторые из опрошенных прямо и косвенно поднимали вопрос о независимом юридическом авторитете приходских имамов. Их интересовало, в какой степени махаллинские имамы могут принимать решения самостоятельно, без вмешательства ОМДС. Хафмз ал-Дин Наср ал-Дин улы заявлял, что «в нашей стране каждый имам является *кади* в вопросах брака, развода, похорон и других обрядов в своей махалле, и каждый имам осведомлен о том, что происходит в его махалле» (Фахреддин 1897: 27–28). Он подчеркивал, что махаллинские имамы, непосредственно знающие членов своей общины и их семьи, лучше всего подходят для решения этой проблемы (раз-

вода жен, у которых пропали мужья). Поэтому имамы должны иметь возможность самостоятельно расторгать такой брак. Таким образом, Наср ал-Дин улы утверждал, что каждый имам может принять независимое решение, основанное на его непосредственном знании людей, семей и их проблем внутри махалли, а значит, он может совершать свой собственный *иджтихад*, обусловленный конкретной ситуацией (там же).

Другие респонденты также подчеркивали важность независимости махаллинских *ахундов* и имамов. Джамал ал-Дин Сайф ал-Дин улы, например, утверждал, что махаллинские имамы в делах о разводе с такими мужчинами должны сохранять «полную автономию (*камиль мухтарийа*)» (Фэхреддин 1897: 50–51). По его мнению, махаллинские имамы могли бы аннулировать браки по просьбе тех женщин, которые остались без *нафака*, чьи мужья употребляют алкоголь или бьют их без причины.

«Правильность решений махаллинских имамов о разводе по причине отсутствия содержания женщины, а также вопрос о том, нужно ли следовать решениям других *муджтахидов*, не подлежат обсуждению, поскольку такое решение принимается тогда, когда в этом есть необходимость (*дарура*). Необходимость легитимизирует такие решения, что подтверждается *айатами* и хадисами. Кроме того, нет доказательства (*далил*), что умма нашего Пророка должна следовать определенному *муджтахиду*. Хорошо известно, что в случае необходимости можно заимствовать решения из другого *мазхаба*. Соответственно, нет необходимости назначать представителя шафиитов, маликитов или ханбалитов или их *кади*» (там же).

К 1890-м годам, когда велась эта дискуссия, религиозный авторитет имамов и *ахундов* уже был подорван, хотя институт *ахундов* как экспертов по шариатским вопросам еще не исчез¹⁴. Проблема религиозного авторитета махаллинских улемов (имамов и *ахундов*) началась после 1820-х годов, когда ввели функцию ОМДС по рассмотрению мусульманских семейных и наследственных споров. Если в 1820-е и 30-е гг. мусульмане лишь изредка обращались в ОМДС с петициями по вопросам брака, развода и наследования, то к середине столетия число петиций существенно возросло, а к 1870-м и 80-м гг. еще более выросло. Возможность обжалования решений своих махаллинских имамов снижала их авторитет в глазах простых людей. Недовольный решением имама мог обратиться в ОМДС с просьбой о пересмотре дела и попросить, чтобы его дело рассмотрел другой имам или *ахунд*. Таким образом, имамы и *ахунды* оказались в зависимости от прихотей прихожан. Кроме того, от них требовался отчет в ОМДС с деталями разбора каждого супружеского или наследственного дела. Такие отчеты сами по себе, возможно, не имели большого значения, однако позволяли ОМДС в определенной мере контролировать приход-

¹⁴ См. (Garipova 2018); (Spannaus 2013).

ских имамов и *ахундов*. Ко всему прочему, если ОМДС получало прошение-жалобу от прихожанина, недовольного тем или иным решением улема, то члены ОМДС, как правило, требовали от улема подготовить объяснительный отчет. Это разрушало традиционную связь между имамом и его прихожанами, сделав первого более уязвимым. Такая уязвимость усиливалась при возникновении споров с несколькими сторонами, как например, в супружеских или наследственных делах, в случаях, когда какой-нибудь сельский житель затаивал обиду на приходского имама. Например, причиной для доноса мог служить брак несовершеннолетних, заключенный имамом, в отсутствие согласия семьи на этот брак. Кроме того, ОМДС контролировало соответствие решений имамов законодательству Российской империи и в некоторых вопросах, таких как развод жен ссыльных и пропавших мужей, запрещала улемам вообще иметь с ними дело. В ряде случаев ОМДС запрещало имамам выполнять даже традиционную функцию «проповеди добра, запрещения зла» или «вмешиваться» в жизнь простых мусульман, если те не просят об этом (там же).

Таким образом, цель Фахреддина была очень похожа на то, что Фелицитас Опвис описывал относительно использования *маслаха* Джамалал-Дином ал-Касими и Рашидом Рида. Согласно Опвису, эти реформаторски настроенные религиозные ученые «распространяли идею об использовании *маслаха* в те времена, когда авторитет традиционно образованных религиозных ученых начал рушиться»:

«В контексте инициированных государством программ по модернизации Османской империи и Египта светские реформаторы рассматривали религиозное право и его деятелей как фактор, замедляющий прогресс и препятствующий осуществлению административных и образовательных реформ. Чтобы сохранить или даже расширить значимость исламского права и тем самым свое собственное влияние, правоведы должны были доказать, что оно [право] способно удовлетворять потребностям современного общества и совместимо с целями современного государства. ...В то же время модель ал-Туфи [*маслаха*] не ставила под сомнение исламскую правовую герменевтику как таковую и не отвергала традиционное толкование Корана. Принятие этого закона не ставило под сомнение ни исламский характер закона, ни религиозное образование улемов. И ал-Касими, и Рида были традиционно образованными учеными, слабо знакомыми с западной образовательной традицией, оба являлись улемами и отождествляли себя с ними как с социальной группой. Они были направлены на реформирование исламского права изнутри, чтобы усилить его актуальность и укрепить положение улемов в обществе» (Opwis 2007: 71–72).

Фахреддин пришел к похожим соображениям. *Маслаха* стала бы полезным юридическим принципом для реформирования аспектов семейного права. Помимо этого, следовало бы сохранить и расширить значение исламского семейного права в то время, когда существовала опасность скорого

перехода браков и разводов мусульман под юрисдикцию гражданских судов (ЦГИА РБ: Д. 547). Фахреддин, понимая, что законы Российской империи настойчиво вторгаются в мусульманскую сферу, хотел найти решение внутри мусульманской общины и в рамках исламской традиции продемонстрировать актуальность и способность исламского права решать современные проблемы, такие как развод женщин с пропавшими мужьями.

Фахреддин видел наличие сложностей у имамов в решении этого вопроса. Махаллинские имамы и *ахунды* по-прежнему оставались «творцами исламского права», теми, кто принимал решения (*када'*), составлял юридические заключения (*'ифта*) и просто консультировал людей по исламским семейным вопросам. Фахреддин также осознавал, что через «проблемные» разводы улемы теряли свой авторитет. Через предлагаемый проект он хотел повысить статус улемов региона и решить наиболее важные проблемы, связанные с религиозным авторитетом. Одним из способов сделать это были организация общемусульманской дискуссии в публичной сфере и достижение общего решения видными улемами Урало-Поволжья и Западной Сибири.

Заключение: публичная сфера, консенсус и религиозный авторитет. Являясь сборником правовых мнений разных исламских ученых империи, *Мутала'а* представляет собой уникальный взгляд на реформу исламского семейного права и проблему религиозного авторитета. Этот важный юридический источник служит уникальным примером коллективного «*'ифта*» в поздней Российской империи. Вряд ли найдутся подобные сборники мнений ряда мусульманских ученых по одному вопросу. Организованный через государственный институт ОМДС, сборник *Мутала'а* обладает чертами институционального проявления коллективного правового мышления. Иницилируя его, Фахреддин стремился добиться коллективного решения, которое бы распространилось на все мусульманские общины Российской империи. Он обращается с запросом к *улемам* из разных частей империи и просит их прислать собственную точку зрения, сославшись в своем запросе на то, что по отдельности *ахунды* и имамы (*улемы*) испытывают трудности в достижении окончательных решений, связанных с делами по разводу женщин. Тем самым Фахреддин пытается выработать общее правило институционализированным путем. Правовая стандартизация, будучи современной концепцией, обычно использовалась колониальными администрациями, что касается *Мутала'а*, то в ней мы видим пример, когда процессом стандартизации занимается представитель местной религиозной элиты. Для внедрения существенных изменений в жизнь женщин он использует государственный институт. Фахреддин действует не столько как отдельный имам, сколько как мусульманский ученый, одновременно являющийся членом имперского института (ОМДС), империя при этом представляет собой некие рамки, в которых реализуется данная инициатива.

Мутала'а является примером «модерной» фетвы и поэтому отражает некоторые из характерных черт *'ифта*, формирующихся с XIX в.¹⁵ Во-первых, мы видим, что имамы и *ахунды*, потерявшие часть своей независимой юридической власти, особенно в вопросах, пересекающихся с общеимперским правом, стали более зависимыми от государственной правовой системы. Во-вторых, в условиях отсутствия самостоятельности в принятии правовых решений имамам и *ахундам* приходилось продумывать пути, позволявшие бы им вносить изменения в систему; кроме того, учитывая, что индивидуально имамы и *ахунды* не могли заниматься этим вопросом, требовалось организовать новую коллективную фетву. Обсуждаемый вопрос предполагал поиск новых путей, которые бы позволили отойти от ограничений ханафитской правовой школы в использовании *иджтихада*.

Эта инициатива – хотя и неизвестная, но очень важная страница в жизни Ризаэддина Фахреддина, времен его службы *кадием* в Оренбургском мусульманском духовном собрании. Она свидетельствует о его влиянии на общественную и религиозную жизнь мусульманской общины России. Сборник *Мутала'а* был для него способом внесения существенных изменений в исламское право в условиях, когда предложенные ОМДС решения не были полностью приемлемы в глазах мусульманского населения. Выступив с этой инициативой от имени Оренбургского Собрания, Фахреддин умело использовал свой авторитет среди муфтиев и других *кади*. Также благодаря собственному авторитету у *ахундов* и *имамов*, он запросил их мнение о проблеме развода женщин. Его целью было внести изменения на общеимперском уровне; поэтому он предложил ввести эти реформы как общее правило для всех *имамов*. Позднее, в произведении «*Дини вә ижтимагый мәсьәләләр*», опубликованном в 1914 году, Фахреддин вспоминает о своей деятельности в Оренбургском собрании по разрешению проблем женщин, добивающихся развода. Он упоминает о предпринятых совместных попытках по поиску правового решения этого вопроса, о том, что «эти усилия не увенчались успехом из-за людей, не желающих действовать и, более того, препятствующих тем, кто хочет что-то изменить» (*үзләре эшләргә яратмый вә эшләүчеләргә аяк чалудан тартынмый торган адәмнәрнең сәбәбеннән бу эш юлда калды*). Несмотря на оставление своей должности *кади* в 1905 году, Фахреддин продолжает искать коллективное решение этой проблемы путем консенсуса *улемов* (*иджма'*). В этой связи он ссылается на пример из *ал-Манара* и усилия египетских мусульман-реформаторов по публичному обсуждению правовых вопросов для достижения консенсуса при решении их вопросов (Фахреддин 2011: 69)¹⁶.

¹⁵ См. M. Kh. Masud, B. Messick and D. Powers (eds.), *Islamic Legal Interpretation: Muftis and Their Fatwas*, eds. (Cambridge: Harvard University Press, 1996).

¹⁶ Спасибо анонимному рецензенту за информацию о данном источнике.

Вопрос «проблемного» брака был решен, по крайней мере на бумаге, в ранний советский период, в 1925 г., когда Оренбургское собрание, переименованное в ЦДУМ (Центральное духовное управление мусульман) и состоявшее из реформистски настроенных улемов, обладало относительной независимостью от большевистских властей, с которыми оно поддерживало сотрудничество (Islam Majallasī 1926: 546–548).

«Многие мусульманки, чьи мужья погибли во время Первой мировой войны, либо в период голода [мужья, которые отправились на поиски еды во время голода 1921–1923 гг. и не вернулись], обращаются в Центральное религиозное управление (*Диния нэзарәте*) с просьбой о разводе. Не имея никакой информации о своих мужьях, эти женщины, ссылаясь на отсутствие какого-либо финансового обеспечения, что делает их жизнь крайне несчастной, просят разрешения на развод в соответствии с их религиозным законом, то есть принимая во внимание их мусульманское вероисповедание». Рассмотрев различные мнения, муфтий и кади решили последовать за шафиитскими правоведами в решении этого вопроса: «Принимая во внимание трудности тех лет и положение женщин, а также изучив мнения религиозных ученых и муджахидов, находящихся под своей юрисдикцией, Центральное религиозное управление вынесло правовое решение о том, что женщины, чьи мужья пропали без вести, или женщины, брошенные своими мужьями и не получавшие содержание (*нафака*), имеют право на развод в соответствии с шариатом» (Islam Majallasī 1926: 546–548).

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

ОРРК К(П)ФУ – Отдел рукописей и редких книг Казанского (Приволжского) федерального университета. Интикад ал-аквал би-л-тахкик фи таджвиз ал-никах би-л-та‘лик. Шрифт 1449Т.

Ризаэддин Фэхреддин 1999 – Ризаэддин Фэхреддин: Фэнни-биографик жыентык / Төз. Р.Мәрданов, Ж.Миңнуллин, С.Рэхимов. Казан: Рухият, 1999.

Фэхреддин 2011 – Фэхреддин Р. Дини вә ижтимагый мәсьәләләр: сайланма хезмәтләр. Казан: Рухият, 2011.

Фэхреддин 1897 – Фэхреддин Р. Мөталәга (Мутала‘а): Идарә-и Исламия Ырынбургя үзәрәнә галимләремез тарафындан никах хосусында язылмыш әфкярләрнәң холясасы жәмегъ иделмеш рисаләдер ». Казан: Думбравский, 1897.

ЦГИА РБ – Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. 295. Оп. 6. Д. 547.

Islam Majallasī 1926 – Fatwā bābī. Īkinchī fatwa / Islam Majallasī, May 1926, no. 1, pp. 546–548.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Dudoignon S. Echoes to Al-Manar Among the Muslims of the Russian Empire: a preliminary research note on Rizaeddin Fakhreddin and the Shura // Intellectuals in the modern Islamic world: transmission, transformation, communication / Eds. Stéphane

Гарипова Р. Роль Ризаэддина Фахреддина в реформе мусульманского семейного права в Российской империи

A. Dudoignon, Komatsu Hisao and Kosugi Yasushi. London; New York: Routledge, 2006. Pp. 85–116.

Garipova R. Between Imperial Law and Islamic Law: Muslim Subjects and the Legality of Remarriage in Nineteenth-Century Russia // *Sharia in the Russian Empire: The Reach and Limits of Islamic Law in Central Eurasia, 1550–1917* / eds. Paolo Sartori and Danielle Ross. Edinburgh University Press, 2020. Pp. 156–182.

Garipova R. Where Did the Ākhūnds Go? Islamic Legal Experts and the Transformation of the Socio-Legal Order in the Russian Empire // *Yearbook of Islamic and Middle Eastern Law*. 2018. № 19. Pp. 38–67.

Opwis F. Islamic Law and Legal Change: The Concept of Maṣlaḥa in Classical and Contemporary Legal Theory // *Shari‘a: Islamic Law in the Contemporary Context* / eds. Abbas Amanat and Frank Griffel. Stanford University Press, 2007. Pp. 62–82.

Sadeh Roy Bar. Between Cairo and the Volga-Urals: Al-Manar and Islamic Modernism, 1905–17 // *Kritika*. 2020. № 3. Pp. 525–553.

Spannaus N. The Decline of the Ākhūnd and the Transformation of Islamic Law under the Russian Empire // *Islamic Law and Society*. 2013. № 20–3. Pp. 202–241.

Сведения об авторе: Гарипова Розалия – PhD, ассистент-профессор Назарбаев Университета (010000, пр. Кабанбай Батыра, 53, Нур-Султан, Республика Казахстан) rozaliya.garipova@nu.edu.kz

Поступила 06.08.2020

Принята к публикации 27.10.2020

Опубликована 25.11.2020

THE ROLE OF RIZAEDDIN FAKHREDDIN IN THE REFORM OF ISLAMIC FAMILY LAW IN THE RUSSIAN EMPIRE

R. Garipova

Nazarbayev University

Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

rozaliya.garipova@nu.edu.kz

At the end of the nineteenth and early twentieth century, Muslim communities in different parts of the world faced a common problem – women’s inability to obtain divorce after their husbands got missing or disappeared. These women, deprived of provision (*nafaqa*), could neither sustain themselves financially nor remarry. This paper focuses on the responses of Russia’s Islamic scholars to this problem which were compiled by a prominent religious scholar Rizaeddin Fakhreddin in a publication, titled *Mutala‘a*. The problem in the Volga-Ural Muslim community was deeply entangled with the question of religious authority under the Russian imperial rule. Therefore, Fakhreddin’s initiative aimed not only at bringing solution to women’s hardship but also at addressing the problem of religious authority and structural challenges in the application of *shari‘a* which developed in the nineteenth century. I argue that this collection of legal opinions was both an attempt to find a permanent solution to the prob-

lem of divorce of women and an instrument to strengthen the legal authority of the 'ulama.

Keywords: divorce with missing husbands, fatwa, Volga-Ural Muslims, Rizaeddin Fakhreddin, religious and legal authority

For citation: Garipova R. Rol' Rizaeddina Fakhreddina v reforme musul'manskogo semeynogo prava v Rossiyskoy imperii [The role of Rizaeddin Fakhreddin in the Reform of Islamic Family Law in the Russian Empire]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2020, vol. 5, no. 2, pp. 206–224. <https://doi.org/10.22378/he.2020-5-2.206-224>

REFERENCES

Dudoignon S. Echoes to *Al-Manar* Among the Muslims of the Russian Empire: a preliminary research note on Rizaeddin Fakhreddin and the *Shura* 1908–1918. *Intellectuals in the modern Islamic world: transmission, transformation, communication*. London and New York: Routledge, 2006, pp. 85–116. (In English).

Garipova R. Between Imperial Law and Islamic Law: Muslim Subjects and the Legality of Remarriage in Nineteenth-Century Russia. *Sharia in the Russian Empire: The Reach and Limits of Islamic Law in Central Eurasia, 1550–1917*. Edinburgh University Press, 2020, pp. 156–182. (In English).

Garipova R. Where Did the Ākhūnds Go? Islamic Legal Experts and the Transformation of the Socio-Legal Order in the Russian Empire. *Yearbook of Islamic and Middle Eastern Law*, 2018, no.19, pp. 38–67. (In English).

Opwis F. Islamic Law and Legal Change: The Concept of Maṣlaḥa in Classical and Contemporary Legal Theory. *Shari'a: Islamic Law in the Contemporary Context*. Stanford, California: Stanford University Press, 2007, pp. 62–82. (In English).

Sadeh Roy Bar. Between Cairo and the Volga-Urals: *Al-Manar* and Islamic Modernism, 1905–17. *Kritika*, 2020, no. 3, pp. 525–553. (In English).

Spannaus N. The Decline of the Ākhūnd and the Transformation of Islamic Law under the Russian Empire. *Islamic Law and Society*, 2013, no. 20–3, pp. 202–241. (In English).

About the author: Rosalia Garipova is a PhD, assistant-professor at Nazarbayev University (53 Kabanbay Batyr Ave., Nur-Sultan 010000, Republic of Kazakhstan); rozaliya.garipova@nu.edu.kz

Received August 6, 2020

Accepted for publication October 27, 2020

Published November 25, 2020